

Алексей Болотников

ВОРОНЫ ТУНДРЫ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЕЗОН — 1973

12+

Алексей Болотников

Вороньи тундры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29408401

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93980-6

Аннотация

Геологи – фантастическое племя... В условиях северного Заполярья компания коллег-геологов, романтиков и прагматиков, увлечена поисками руд. Суровые будни одного полевого сезона, украшенные сценами рыбалки, тундрового пожара, встреч с опасностью и необъяснимыми явлениями, автор написал на собственном опыте. Любовь и дружба, товарищеская взаимопомощь и соперничество, украшенные самоиронией и лукавством, вызывают у читателя желание "пойти за горизонт и все увидеть". Если вы мечтаете о путешествиях, приключениях, открытиях новых земель – это ваша книга!

Содержание

Глава первая. О скуке и капустном пироге	5
Глава вторая. Открытие сезона	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Болотников

Вороньи тундры

Открыв дверцу печи, моложавый старик аккуратно клал берёзовые полешки в алый жар углей.

Лицо, озарённое светом, охватывало приятным теплом. Ноздри улавливали горячий дым. Что-то еще – невыразимо-томное! – услаждало старого. Стоя на колене, он несколько секунд ждал, когда вспыхнет новое пламя и затрещит-загудит печная топка.

И, прикрывая дверцу печи, надолго сомкнул веки.

Поднимаясь с колена, с опорой на низенькую табуретку, он неуклюже-долго пересаживался в кресло, стоящее у стола, и снова открыл папку. На её потрёпанной лицевой обложке цветом блёклого аметиста было написано

ВОРОНЬИ ТУНДРЫ

Геологический сезон-1973

Глава первая. О скуке и капустном пироге

Кеха Семёнов устало плюхнулся в кресло. Попытался сунуть руки в карманы поношенных джинсов, но, оценив всю тягость этого усилия, только скользнул ладонями по бедрам и безвольно повис в кожаном сиденье.

В зале ожидания, как призрак былого уюта, присутствовал тронутый прахом обязательный набор гостиничных атрибутов: большое старомодное трюмо с почерневшим зеркалом на трёх резных ножках, окрашенная ультрамарином кадка с декоративным неухоженным деревом; в углу – алюминиевый бачок с дюралевой кружкой на цепи... Резко бро-

сался в глаза плакат – символ авиации местного значения: «роза ветров» на пёстром фоне северного сияния. В геометрический центр розы безвестный художник искусно вписал лик Феба. Бог солнца хищно щурился, лукаво всматриваясь в пассажиров. Каждого вызывал на состязание.

Семёнов надолго остановил на нём взгляд, пытаясь отобразить своей гримасой усмешливый и пожирающий прищур глаз божества.

Глаз Феба потеплел. Оранжевый отсвет сияния усилился, точно пламя в керосиновой лампе, покинул глазницы и потёк под ноги – лучистым бархатным реальгаром... Захватывал щиколотки, колени, руки, стискивая банным паром и, показалось, запахом хвойной смолы. Достигнув глаз, неукротимый вал тепла и запаха внезапно зазеленел пламенным малахитом, лаская покоем и неземным наслаждением... Зелень утопила сознание... Баюкала... Щекотала ноздри... Внезапно Семёнов уронил руку и – очнулся... Зелень испарилась из глаз, мгновенно свернувшись незримой улиткой. Зал... Пустые кресла вокруг. Тишина...

В дверь зала один за другим протиснулись три щуплых пацанёнка и принялись молча теребить сидевшую у входа бабу. Она не замечала приставаний, словно суету мух.

Кеха пригляделся: лопарка читала Шолохова. Длинные её юбки, по-цыгански пёстрые, покрывали тщедушное тело, казалось, от шеи до пят. Были видны лишь ступни босых ног.

Бабуля досадливо отодвигала то одного, то другого вну-

ка, нетерпеливо скрючивала пальцы ног и упорно ни на что не обращала внимания. Однако, ребяташки вынудили—таки. Бабуля сердито зашипела, незаметным движением колыхнула складки одежды, сунула ребятам в руки рубль. Внуки кинулись через зал в буфет. Лопарка уткнулась в книгу.

Кеха Семёнов хмыкнул, еще раз померялся силою взгляда с Фебом, сдаваясь, прикрыл глаза и вздохнул:

– Ннда-а-а, ожидалочка... Ждать да догонять... Как там у великих?.. «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их... – наша задача»...

Днём раньше он ехал в Иркутский аэропорт, тяготясь массой и тяжестью абалаковского рюкзака. Ни малахита, ни реалъгара на трассе, покачивающей автобус с ранними пассажирами. Привычная экзотика сибирской обыденности, которой замылился глаз. Но на сердце лежала непреходящая радость начатого путешествия – сгусток счастья, любопытства, томительного ожидания... В порту подждал коллега, доставивший сюда три центнера экспедиционного груза: баулы, тюки, рюкзаки... Этим габаритам предстояло более семи тысяч вёрст подпорчивать путешествие, ибо – тягло... Добавив свой рюкзак в общую кучу, Семёнов пожал руку коллеге и, отвалившись к стенке, сполз задницей на пол. Демонстрировал смертельную усталость.

Их ожидали столицы. Москва, Питер... И трудно вообразимый отрезок пути до неведомого Ловозера в глубинах Во-

роньих тундр. И ещё нечто фантастическое, завернутое в обложку «терра инкогнито»...

Преодолели без спешки и суеты. И вот очередная пересадка на последнем аппендиксе путешествия... Семёнов, как и его спутник, тяготился простым.

В условиях сурового Заполярья он надеялся любоваться суперпейзажами белых ночей, бесконечно-таинственными полужакатами и восходами – никогда не уходящего за горизонт – светила, словесно, но доходчиво расписанными Кехиным однокашником, год назад сидевшем в этом кресле. И чем-то ещё – щемительно нежным, утончённым, но неизведанным, а потому особенно желанным: то ли умопомрачительной загадкой северного сияния, то ли вкусом терпко-хмельной ягоды морошки...

Но был день самого начала лета, и все общеизвестные прелести заполярных широт были загрунтованы скукой и духотой этого дня, как воображаемая многоцветная картина, грубым полотном холста. Младший лаборант Лаборатории пегматитов уважаемого сибирского института, Кеха Семёнов был ужасно удручён.

Он ехал со своим шефом Пал Палычем на очередной геологический сезон в Вороньи Тундры. Для Семёнова был это первый сезон, а для Лаборатории, которую они представляли, последний, не планированный ранее, ограниченный в сроках, не обещающий никаких приключений.

Пал Палыч, едва въехали на территорию аэропорта, ушёл

узнать эпилог истории романа кладовщицы порта Раечки с авиатором Дыриным. Год назад история эта так поразила Пал Палыча классической стройностью сюжета, в котором он сыграл весьма представительную роль столичного донжуана, что и весь текущий год, и особенно последнюю неделю, Пал Палыч оптимистично отрабатывал роль по плану второй серии романа.

Кеха Семёнов бездействовал. Вернее, было бы сказать, что он – утомлённый, сморённый духотой и разочарованием – дремал, вытянув ноги и сложив на груди руки. Но сон не приходил, и младший лаборант, прищулив глаза, наблюдал текущую перед ним монотонную жизнь старенького аэропорта.

Песчаное лётное поле, окаймленное желто-зелёным разнотравьем и колючими цепкими кустарниками, было пустынно. Маленькие "Ил"ы и «Ми»шки, свободные от работы, примостились у не широкого озера. Голопузые лопарские бутузы копошились под надзором отцов-авиаремонтников, под крыльями отдыхающих машин и не было им дела до белого солнца, до нещадного кольского комарья.

После редкого взлёта, либо такой же редкой посадки, над взлётным полем надолго зависало жёлтое облако пыли, которое, возмущив окружающую среду, растаскивалось внезапными завихрениями и быстрыми тёплыми сквознячками, либо медленно и неохотно возвращалось в земную колыбель своя.

Сделав сии наблюдения, ценные, увы, не важностью научных заключений, а лишь способностью лаборанта устойчиво мыслить, Кеха, было, уснул. В этот самый момент его обнаружил, после недолгих поисков, Пал Палыч.

Поставив руки на бёдра, Пал Палыч равнодушно скользнул взглядом чуть выше переносицы, осмотрел носки своих запылившихся ботинок. В недалеком прошлом этим грубоватым, но добротным "вибрам" отдавалась сибирская земная твердь и хлябь, а чуть позднее – просторы утоптаных улиц столицы, Ленинграда, Кировска, Апатитов, а вот сейчас, в эти минуты, им предполагалось изнашивать область подошв в не столь отдалённых, но труднодоступных местах, под малоизвестным названием "Вороньи Тундры". Но никак не здесь!

Пал Палыч омрачённо размышлял. Он минуту обдумывал что-то достаточно скучное и подтвердил свои мысли словом: – Скучно, мальчик. Скука – самое отвратительное свойство духа.

Скосив глаза, Пал Палыч нашел состояние Семёнова анабиозным, и это открытие повергло его в совсем уже не лирическую тоску.

В Вороньи Тундры на неделе никто не летел.

Четко вырисовывалась перспектива проторчать на последнем аппендиксе многодневного пути ещё день. И два, и три... А укороченный сезон не предусматривал такого размаха. И Пал Палыч, отвечая за срочность работ, а более то-

го, лелея летний отпуск, категорически исключал такую волокиту. И хотя на неделе же – по проверенным данным – из полёта должна была вернуться Раечка, летавшая нынче бортпроводницей, Пал Палыча перспектива не вдохновляла. До Вороньих Тундр пешим ходом добротные "вибры", очевидно, не дотянут. Да и снаряжение... А этот меланхолик в ранге младшего лаборанта?.. Да и Раечка давно уже стала Дыриной...

Кеха, полуприкрыв глаза, пронаблюдал игру раздумий на лице шефа и вновь погрузился в безответственный анабиоз. В анабиозе было хорошо. Уставшие ноги лаборанта охватывал приятный зуд расслабления, отступали с поля зрения не научные наблюдения, никто не лез с разговорами, скажем, на предмет рыжих волос головы Семёнова. И, вероятно, именно из-за отсутствия назойливого собеседника, эту голову посещали ничего не значащие мысли о северном сиянии и смертной скуке, Шолохове и бортпроводнице Раечке, об Эрмитаже и капустном пироге. Но такова уж жизнь, что и зуд расслабления имеет свойство превращаться в дремоте в неприятное чувство затекания, а мысль о капустном пироге закономерно вытесняет всё остальное и обретает значимость.

В буфете Семёнов попросил котлету с картофельным пюре и два стакана томатного сока. Пока буфетчица колдовала у плиты, он выпил один стакан и, подумав, второй. Попросил стакан чая.

– Тебе пюре-то поджарить? – спросила, улыбнувшись, бу-

фетчица. – Сладковатое оно у нас, а с лучком поджарю, да на сале и, вроде бы, ничего...

– Да, можно, – согласился Семёнов. Он взял стакан, облокотился на стойку и скользнул взглядом по бару буфета, выполненному по канонам закусовых заведений.

– У вас пьют?.. – спросил Кеха, кивая головой в сторону бара.

Буфетчица снова улыбнулась. Она долго и тщательно вытирала полотенцем руки, изредка взглядывая на Кеху.

– Тетя Саша меня зовут. А тебя как?

– Иннокентий.

– Пьют у нас редко... Мало у нас пьют, Кеша. То на выходной пилоты идут, у меня, знаешь, отмечают, то с женой кто поцапается – зайдёт. А ваш брат – пассажир – тот только глазами, – она снова улыбнулась. – Мне это не на руку, но больше по душе. Пьяные-то вы – бузотеры, а то и совсем некчёмные люди... Ты, поди-ка, выпьешь?..

– Не-нет! – поперхнулся Семёнов.

– Гляди...

Тётя Саша ловко перевернула сковородочку, переваливая поджаренное пюре в блюдечко, сюда же смахнула с листа горячую котлету, бросила сверху что-то ярко-зеленое и протянула блюдце прямо в руки Семёнову.

– Ешь, Кеша. Еще, поди-ка, соку?..

Она налегла на стойку сложенными под грудью руками, рассеянно улыбаясь, смотрела, как парень ест.

В буфет вошли новые пассажиры и тут же вышли, обшарив неголодным взглядом простенькое меню. Тетя Саша, казалось, не заметила их. Она протёрла полотенцем стойку, пощёлкала выключателями печи, налила себе стакан холодного сока.

– А что, – снова нарушил молчание Семёнов, – у вас всегда такая скука?..

– Да разве скучно? – вопросом же ответила буфетчица. – Тихо только... а вот в субботу у нас питерские девчата были. Бойкущие! А одна, знаешь, царь-девка!.. Как посмотрит... Плечи прямо носит. А ест, ест!.. Нет, наши девки, так поесть не умеют!

Тётя Саша неожиданно сильно зажмурилась, широко улыбнулась и так повела рукой, словно осторожно положила в рот изумительный серебряный колокольчик.

– А-то, знаешь, фокусник, как-то пролетал... а сам простой. В пиджаке, кепке. И фокусы его... ну, прямо чудеса! Ты, поди, фокусы знаешь? – тётя Саша заинтересованно глянула на Семёнова и без остановки продолжала:

– И стаканы-то у него на боку стоят, и тарелки, как волчки, закручиваются... Нет, у нас не скучно. Безлюдно иногда – так это непогода. А ты поди, поди-ка в радиорубку... Там Катюшка такая есть – познакомишься. Скуку как рукой снимет, – тётя Саша улыбнулась своей знаменитой улыбкой и загадочно замолчала, глядя то ли на Семёнова, то сквозь него, на какие-то свои, только что озарившиеся в её сознании, об-

разы.

Семёнов попробовал поставить стакан на ребро, заинтересованно прочёл висевшее в рамке меню, выпил еще стакан сока, и, отсчитав копейки, спросил:

– Ну, я пойду?..

– Иди-иди. Табличка там страшная, «посторонним запрещено», так ты не будь посторонним... Катюшка одна, а другая, значит, Галка, косит чуть-чуть... И не скучай, Иннокентий!.. Не скучай!

Лицо буфетчицы еще раз озарилось улыбкой. Семёнову вдруг показалось, что он встречал это лицо где-то раньше: доброжелательный взгляд открытых и внимательных глаз, простенькая причёска с тугим пучком волос на затылке, округлый, мягко очерченный подбородок. Лицо без особых примет. Оно как будто впитало в себя миллионы индивидуальных лиц и, обобщая отдельные несхожие черты, приняло то выражение, которое неуловимо, но выразительно похоже на своё несуществующее подобие. Семёнов встречал это лицо в поездах и гостиницах, на сельских дорогах и в городской сутолоке улиц. Он попробовал представить это лицо за прилавком ювелирного магазина, за ресторанным столиком, в театральной ложе, либо в рабочем президиуме... Лицо уплывало, очертания его искажались, принимая то масочное выражение, то черты смущения и полной растерянности.

Конечно же, он встречал тётю Сашу много раз, когда надо было открыть душу, когда нестерпимо хотелось говорить или

плакать, либо наоборот, угрюмо молчать под чью-то врачующую, неторопливую, бесхитростную речь. И он вспоминал такие моменты, но как ни силился – не вспомнил ни одного реального лица, похожего на лицо буфетчицы. Кеха остановился в дверях буфета, повернулся лицом к тётё Саше, подмигнув ей, сказал:

– Спасибо, тётя Саша. Всё было... очень вкусно.

Тётя Саша часто-часто закивала головой, снова улыбаясь, благодарно ответила Семёнову взглядом и легонько помахала рукой, на которой висел неизвестно откуда появившийся трафарет "Не включать – работают люди".

После обеда Семёнов нашел Пал Палыча у аэропортовского склада. Скромно, но уютно устроившись в благостной тени высокого подтоварника, методично уничтожая назойливых комаров, шеф аккуратно колдовал над скоросшивателем: зелёные, синие, розовые билеты и бумажки окружали его замысловатым веером. Пал Палыч увлечённо сопел, подбирая нехитрый бумажный пасьянс.

– Главное, мальчик, отчётность, – обронил он на безмолвный вопрос Семёнова.

Семёнов пожал плечами и, подломив колени, растянулся рядом. Все располагало ко сну.

– Паш, у тя скрепки есть? – невинно спросил Кеха.

– Есть.

– А дырокол есть?.. А папье-маше? Бюро?.. Бюрократ ты,

Паша. А я откушал в обществе тёти Саши. Тётя Саша открыла мне тайну... капустного пирога.

Шеф молчал. Он уже приобрёл иммунитет к послеобеденному бреду младшего лаборанта и многозначительным молчанием выражал глубокое безразличие к его обильному словесному недержанию.

– Пал Палыч, призвать к порядку эту легкую авиацию можно? – неожиданно переключился Кеха. – Существует такой порядок? Инструкция на этот случай есть?.. Чего ждем-то? Ждем... Выжидаем.

Ожидание действительно становилось невыносимым. Хотелось хорошей разгрузки, либо абсолютного покоя. А Пал Палыч, казалось Семёнову, не испытывал никаких чувств и тем ещё более угнетал парня. Семёнов заводился сам и задирашефа.

– Вот скажи-ка мне, – настаивал он, – почему мы, геологи, какими-то нерешительными становимся, как только до разговоров с летунами доходит. Робкими до скрючивания пальцев... Не способными потребовать права. Противно видеть... Понятно: летуны в форме с погончиками, наглажены и до синевы выбриты, а наш брат перед ними, словно неандертальское чучело перед небесным Аполлоном. Хотя тоже в форме. В хлопчатобумажной. Но – не брит! И удостоверение личности дома... на комод... забыл. Но это же все атрибуты профессии! А суть-то... она проста.

– А в чём же суть?

– Погоди... Глянь, не к нам ли чешут?

В прямо противоположном направлении ленивой стайкой удалялись девичьи фигурки. Семёнов, деланно задрав голову, проследил их исчезновение и пробормотал:

– Все прекрасные ундины проплывают, будто льдины... Да! Кстати, – снова оживился Кеха, – как твои амурные амбиции, Паша? Видимо, слава сибирского дон Гуана...

– ...не дает тебе покоя. Снимай-ка ты, балабол, джинсовое и голубое, надо ящики вон к той машине таскать. – Пал Палыч неопределенно мотнул головой, но Кеха интуитивно и озадаченно обернулся, и оглядел горизонт.

– Таскать? Опять таскать? – изумился он.

– Привыкай, – отрезал Пал Палыч. – Этот крест мы сами себе выбрали.

Помолчали.

– Кстати! На счёт креста... – снова нашёлся Семёнов. – Как обременённый жизненным опытом муж... как криминалист натуры, ты, видимо... – Семёнов повертел пальцами в поисках мысли и, не найдя её, небрежно отмахнулся. – Меня долго преследует одно лицо. Или случай. Сон... Вот из Эрмитажа я вышел с Екатериной Второй... Еле отцепился от неё в самолёте над Африкандой. В Апатитах меня клеила молодая апача с таким вы-ы-резом в кофточке... А тут – тётя Саша. Она, кажется, проглотила улыбку Моны Лизы...

– Миражи! – одним словом резюмировал шеф.

– Да. Ты как думаешь, это от лукавого, или...

– Это тебя тяготит?

– Нет, но я помню все фотолица с витрины «Их разыскивает милиция» и боюсь в любой момент обнаружить среди вас одно из этих лиц.

Пал Палыч хохотнул и громко захлопнул скоросшиватель.

– Вы шизик, мальчик. Вас следует лечить. Но сейчас главное – не ваш комплекс. Главное – ящики. Вечером мы вылетаем в Вороньи Тундры! На вертопрахе! Фьють!.. – и он принялся раздеваться.

– А может, грузовичок, Паша? – снова загрустил Кеха. Три центнера экспедиционного груза уже неделю изрядно омрачали в целом нескудный вояж.

– Нечем рассчитывать, – шеф побарабанил пальцами по пустой фляжке и поднялся на ноги.

Раздевшись, парни схватили самый тяжёлый выучник и, одной рукой отмахивая оживившийся комариный сабантуй, побежали к стоящему у озера вертолёту.

– К-рест, говоришь, да?.. Не от большого ума этот крест – от ленивого. Горе от ума... Сизифы российское... Зачем всё на пуп брать?.. Думать надо! Где местный эскалатор? Где электрокар? Почему ящики туда, а не машину – суда? Где полуторки, как средство передвижения? А в вузовской обязательке – физхимия и химфизика, сопромат и детали машин... Техмех, наконец. Ты это проходил?.. А прошёл – действуй! Верни Родине долг... дай, руку перехвачу... дай Родине эскалатор «Иркутск–тундра», микрополуторку – но дай!

А крест... крест – в музей!

– Перекур, – оборвал Пал Палыч страстную филиппику младшего лаборанта. – Ум, сопромат – это хорошо. А таскать – надо. Этот крест нам от предков достался. Можно уточнить – от обезьян. Правда, до нас дошёл в облегченном варианте. Бери!

– Вот это, – Кеха лягнул выучник, – в облегченном? А ты оптимист...

От вертолета отошёл человек и что-то прокричал. Пал Палыч встрепенулся и живо ухватился за ремень выучника.

– Бери же!..

Семёнов привстал. В сторону вертолёта он сделал недоумевающий жест, одновременно движением руки останавливая прыть шефа. Человек у вертолёта замахал руками, давая отбой. Семёнов побежал ему навстречу и вскоре, не спеша, вернулся назад.

– Машину подадут к складу. Это обычный, – он подчеркнул, – обычный! приём погрузки. Вот те и крест!.. В порядке наказания за бессмысленный оптимизм надо бы вернуть выучник на место на... твоём хребте. Но я добрый, я помогу... – И он уселся на выучник, рядом с шефом, спиной к спине.

Молчали.

Кеха спиной чувствовал, что шеф обиделся. И пусть! Виноват. Постеснялся спросить о порядке погрузки. И все же Семёнову было неловко.

– Да! – вдруг вспомнил он, – так вот, суть-то в том, что мы, русские сизифы, изобретательно организуем трудности, а затем бодро начинаем их преодолевать... Пример – повышенные обязательства. Так? Встречные планы? Правильно я говорю?..

Но шеф молчал. Замолчал и Семёнов. Он покусывал травинку, щурил глаз и, казалось, потерял к собеседнику всякий интерес. А через минуту, не оборачивая головы, сменив интонацию, снова спросил:

– И все-таки, Паша, почему мы не пользуемся законными правами? Вертолетчики диктуют нам свои условия: туда не полечу, здесь не сяду, это не возьму... А это – дай... А в заявке написано... "причина невыполнения заявки"... Бац – заявка. Бац – невыполнение. Бац – денежный начёт... Законно? Законно.

– А как же на рыбалку, Семёнов? – в тон ему спросил Пал Палыч.

– На какую рыбалку? – искренне удивился Кеха.

– На тайменью, хайрюзовую, форелью... На оленя, сохатого – как? – Семёнов развернулся всем туловищем и разом встал.

– Пал Палыч! – изумленно выговорил Кеха и, словно читая мысли шефа, вперился ему в глаза. – Так это ты говоришь о круговой поруке? Да?!. Ты – мне, я – тебе, да? Мафия? Круг дантова ада, да?..

– Любишь ты словами всё обвешивать, – спокойно отве-

тил шеф. И подмигнул. – Только всё гораздо сложнее. Ведомственные неувязки можно рубануть мечом Македонского. – Он вздохнул. – Всёгораздо сложнее.

И они вновь замолчали. От озера потянуло свежестью, и солнце качнулось, отыграло бликами на водной глади, будто нехотя покидая устойчивое зенитное положение. Девичьи фигурки вернулись к зданию аэропорта. Кеха, вновь проводив их взглядом, грустно процитировал:

– А лукавые ундины проплывают будто льдины. Берём? – кивая на выючник, уже громко спросил он. Но, не дождавшись согласия, и, переменяв тон, предложил:

– Паш, а не пойти ли нам утопиться в этом славном озере? Обмоем сизифов пот.

Пал Палыч хмыкнул и нехотя поднялся.

– Слушай, Кеха, давай выючник-то унесем? – неуверенно предложил он.

– Хорошая идея, но ты опоздал, Паша, моё предложение прошло первым. А идея хорошая. Слушай, Паша, давай с тобой идеями дружить?..

– Это как?

– Как дружат семьями, домами. Ходят друг к другу в гости по очереди. Дарят подарки по праздникам, перезваниваются в минуты грусти и тоски... А мы – идеями! Ты ко мне – с идеей, я к тебе – с идейкой. Ты мне – рац, я тебе...

– Ты – мне, я тебе... Пошло. Давай с тобой, Кеха, лучше... ботинками дружить.

Семёнов внезапно снова загрузил.

Отдышавшись от заплыва, парни прыгали у берега на одной ноге под пронзительно любопытными взглядами лопарских ребятишек. Внезапно, словно из пены озерной, перед ними возник знакомый Семёнову человек от вертолётки. Задышавшись от бега, он прохрипел, порывисто указывая на лётное поле:

– Ящик убрать!.. с летного поля! Бег-гом! «Аннушка» на посадку идет! Па-аш-шел! – Он резко рванул Семёнова за руку, выталкивая из воды...

– Паша, ящик! – в тон ему ужаснулся Семёнов и прытко побежал в сторону выючника.

Пал Палыч растерянно попятился в воду.

Кеха легко, точно не касаясь босыми ногами пересушенной комковатой почвы, бежал к беспечно брошенному выючнику. Скорее! Опередить стремительно падающую на взлетную полосу летную машину! Успеть!.. И Кеха летел, срывая дыхание, финишируя, точно на олимпийский рекорд, "педальировал" из последних. Идиоты! Бросить сундук – ни там, ни тут! – на узенькой полосе взлета и посадки!..

Оттянув выючник в сторону, Семёнов устало повалился на него. Обдало вихрем пыли и теплого воздуха: Ан-2 благополучно и даже будто бы небрежно коснулся жёлтой песчаной полосы и пронёсся мимо. И – ничего не произошло! Фейерверк пыли, короткий грохот двигателя – тишина, как избав-

ление от бед.

Семёнов улыбнулся, помахал рукой в сторону озера, разглядев сквозь столб пыли шефа, спортивным шагом покрывающего остаток расстояния. Пал Палыч спешил, но не очень. На лице его сияло солнце благополучного исхода. Следом за ним спешил дядька, только что предупредивший бог весть что... "Будет двигать речь", – без эмоций подумал Кеха и ещё раз приветственно помахал рукой.

Пал Палыч резко застопорил на посадочной полосе и... и остановился там, сел. Солнце на его лице погасло.

– Я же тебе говорил, – уныло произнёс он.

– Да брось ты, Паша... – решительно оборвал Кеха. – Что, будем проводить анализ не случившегося несчастного случая? Может, акт составим по форме?

– Вот это и есть наше российское... – шеф не произнёс нужного слова и удрученно махнул рукой.

– Сейчас дядя по-русски нам все и объяснит. – Пал Палыч встал и подошёл к Семёнову. Молча ждали дядьку. Он издали погрозил кулаком и издали же начал браниться, срываясь на крик:

– Вы что, парни, к теще на блины приехали? Вон, вон и вон! Хватайте свой сундук и к едрене-фене... И чтоб духу вашего...

– Спокойно! – перебил дядьку Семёнов. И в голосе его прозвучала такая властность, или убедительность, или даже просьба, что дядька оторопел и запнулся. – Спокойно, това-

рищ пилот. Мы всё поняли. Всё проанализировали. И сию же минуту – к едрене-фене! Паша, бери вьючник!..

Парни схватили вьючник и почти бегом потащили его к складу. Пал Палач неожиданно фыркнул и громко захохотал. Смех его был так заразителен, что и Кеха не выдержал и хохотнул.

Через полчаса они вернулись к озеру.

– Там, – Кеха через плечо показал на абракадабру аэро-портовских коммуникаций, – мы самые популярные люди на сей момент, эдакие тараумары... Но это тот случай, когда лучше быть первым другом какого-нибудь Миклухо-Маклая из племени Тараумара, чем самым плохоньким актёром Голливуда... Популярность нам сейчас нужна, как трикони балерине. Кстати, надо выяснить: наш полёт ещё не отменён? И на чём мы летим: на поле не одной дежурной машины, кроме этого кукурузника?.. Пойду в контору, там Катюшка есть...

– Не паникуй. Понимаешь, мальчик, нам, кажется, крупно повезло: там, – Пал Палыч показал на коммуникации, – ожидает вертолёт какой-то депутат поссовета, возвращающийся с сессии райсовета... Правда, он не один, но согласился захватить нас попутно до лагеря геологов. В общем, вечером мы уже разобьём бивачок: поставим одну-две палатки, натянем тенты. Жил в палатке?

– Нет, – честно признался Семёнов.

– Всё впереди.

Отдышавшись от очередного заплыва, парни попрыгали на одной ноге и натянули штормовки, спасаясь от жгучего комариного стада. Успокоившись, лёжа под полуденным северным солнцем, они задумчиво замолчали, обдумывая каждый своё. Необходимо было осмыслить сумбур событий сегодняшнего дня и – перспективу.

Вечером Ми-2 возьмёт их в себя. Песок качнется под крылом вертолета и закружится в вихре жёлтым живым волчком. Рывок в небо и – снова в пути! На развороте вертолётa земля вздыбится и бросится на иллюминатор в атакующем порыве.

...Рябь по воде, расходящийся волновой след от быстрой рыбацкой моторки, ленточки грунтовых дорог и троп, так мало ветвящихся здесь, в тундре, – эти детали ландшафта, словно кадрики неотснятого кинофильма останутся далеко-далеко, словно на другой планете. А впереди – Вороньи Тундр

Глава вторая. Открытие сезона

С юга тянуло холодом. На взлобке, где стояли две первые палатки, сухо шелестела жесткая буровато-желтая поросль тундровых многолетников. Ниже – в посёлке, центром которого громоздилась баня, неожиданная в своей стилевой архитектурной яви, нехитро возвышаясь среди коробочек-балков и брезентовых белокупольных храмов – растительность была вытоптана напрочь, до щебня и плитняка. Холодные порывы ветерка четко обозначались рваными шлейфами голубых дымов. Столбочки их, вырвавшись из чёрных труб, быстро растворялись в белесых сумерках белой ночи. На высоком флагштоке, вознёшемся над центральным балком, окутанном паутиной антенн и растяжек, вяло всплескивалось оранжевое полотнище флажка, на котором раз за разом улавливались уже привычно-знакомый символ КолФАНа¹

¹ Кольский филиал Академии наук

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.